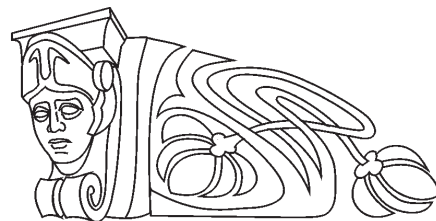

Научная статья

УДК 821.161.109-3+929Солженицын

Автометаописание и автопсихологизм как метапоэтические принципы А. И. Солженицына

Г. М. Алтынбаева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Алтынбаева Гульнара Монеровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики, gulnarama@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

Аннотация. Автобиографичность творчества Солженицына, неразделимость этических и эстетических воззрений сформировали уникальную эстетику писателя. По мнению автора статьи, выявление принципов метапоэтики определяет путь постижения художественного мира Солженицына, его «феномена». В статье представлен анализ двух важных метапоэтических принципов Солженицына – автометаописания и автопсихологизма. Материалом в основном послужил «Дневник Р-17», введение в читательский и научный оборот которого станет важным ключом к пониманию художественного метода Солженицына. Знакомство с французским изданием «Дневника» позволило автору статьи проследить и этапы работы над «Красным Колесом», и «творческую лабораторию» Солженицына в целом. В то же время дневниковые записи расширяют читательское представление не только о путях создания исторического романа, но и о биографии писателя, круге его чтения и литературном контексте, о его предшественниках в жанре исторического повествования, о писательских техниках и методах. В статье обращается внимание на то, что близких для себя героев Солженицын наделяет не своей биографией, а своим ходом мыслей, способностью к толстовской «диалектике души», делая их автопсихологическими двойниками автора. Данная статья является частью большого исследования системы метапоэтических принципов Солженицына, включающих «мировое зрение» на функции и ответственность художника и искусства перед миром, суждения о творчестве других писателей, «мировоззренческую» географию писателя, его общественно-политические взгляды. Ставится цель понять эстетику писателя, сформировавшуюся под влиянием жизненно важного устремления написать историю русской революции, рассказать сокрытую правду об истории России.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, метапоэтика, метатекст, «творческая лаборатория» писателя, эстетика писателя, «Дневник Р-17», «Бодался теленок с дубом», «Люби революции», «В круге первом», автометаописание, автопсихологизм

Для цитирования: Алтынбаева Г. М. Автометаописание и автопсихологизм как метапоэтические принципы А. И. Солженицына // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 105–109. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-105-109>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Meta self-description and self-psychologism as meta-poetic principles of A. I. Solzhenitsyn

G. M. Altynbaeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Gulnara M. Altynbaeva, gulnarama@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

Abstract. The autobiographical character of Solzhenitsyn's oeuvre, inseparable nature of ethical and aesthetic views, have shaped the author's unique aesthetics. From the point of view of the author of this article, eliciting the meta-poetic principles defines the way of comprehension of Solzhenitsyn's artistic world, of his 'phenomenon'. The article presents the analysis of two of Solzhenitsyn's significant meta-poetic principles: self-meta-description and self-psychologism. The research is based on *Diary R-17* which should be introduced into the readers' and researchers' circulation as an important key to understanding Solzhenitsyn's artistic method. An insight into the French edition of the *Diary* has allowed the author of this article to trace the stages of working on *The Red Wheel*, and to regard Solzhenitsyn's 'creative laboratory' as a whole. At the same time the diary records broaden the readers' understanding not only of the ways of creating a historical novel, but of the writer's biography, of his reading range and literary context, of his predecessors in the genre of historical narrative, of the writer's techniques and methods. The article turns the spotlight on the fact that Solzhenitsyn does not bestow his biography on characters close to him, he imparts to them the train of his thoughts, the capacity for Tolstoy's 'soul dialectics', making them the author's self-psychological counterparts. This article is a part of a substantial research of Solzhenitsyn's system of meta-poetic principles, including the 'world vision' on the functions and the responsibility

of the artist and the art to the world; on the judgement on the creative work of other authors. The author of the article has an objective to understand the writer's aesthetics, that was formed under the influence of a vital aspiration to record the history of the Russian revolution, to tell the hidden truth about the history of Russia.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, meta-poetics, meta-text, writer's 'creative laboratory', writer's aesthetics, *Diary R-17, The Oak and the Calf, Love the Revolution, In the First Circle*, self-meta-description, self-psychologism

For citation: Alтынбаева G. M. Meta self-description and self-psychologism as meta-poetic principles of A. I. Solzhenitsyn. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 105–109 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-105-109>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В «Нобелевской лекции» А. И. Солженицын выразил своё эстетическое кредо как единство эстетической и этической позиций. Для понимания эстетики Солженицына считаем необходимым обозначить границы и формы его метапоэтики как экспликацию эстетических принципов. Малоизученность этого аспекта эстетики писателя ставит перед исследователями Солженицына важнейшую задачу увидеть метапоэтику в полноте. Сделав первый шаг в этом направлении [1], мы продолжаем описывать систему метапоэтических принципов А. И. Солженицына.

Термин «метапоэтика» и его обоснование подробно разработаны группой ставропольских исследователей под руководством К. Э. Штайн [2]. В своей работе мы полагаемся на это определение. По утверждению учёных, метапоэтика включает круг текстов писателя, в которых он говорит о собственном творчестве, излагает своё отношение к своему творчеству и творчеству других писателей. В поле метапоэтики входит понятие о системе особых кодов автора, «имплицитированных или эксплицитированных в текстах о художественных текстах», цель – «раскрытие тайны мастерства» [3, с. 9]. Исследователь творчества А. Г. Битова Э. Ф. Тугушева дополняет имеющееся определение метапоэтики «экзистенциальным и отчасти религиозным опытом писателя» [4, с. 3]. Ещё один термин, важный для понимания метапоэтики, это «метатекст», включающий не только художественные тексты писателя, но «комментарии к процессу написания данного текста, его жанру, к форме произведения» [3, с. 19].

В «Дневнике Р-17» [5] через записи 1960–1991 гг. впервые открывается «творческая лаборатория» Солженицына, процесс написания «романа всей жизни», своего детища. Дневник назван «помощником, критиком и – погонщиком» (запись от 19.06.1965) [6, с. 10]. («Дневник Р-17» написан А.И. Солженицыным по-русски, но в России пока не опубликован. В 2018 г. вышел на французском языке в переводе Франсуазы Лесур.)

Солженицын отводит всю жизнь для написания романа. Он убеждён, что нет последнего срока, кроме смерти. Призывает писать столько, сколько хватит жизни. Провозглашает: «*Festina lente!*» (см. запись от 09.12.1967) [5, р. 31].

Солженицын начинает «Дневник Р-17» в самом начале творческого пути к «Красному Ко-

лесу» с определения принципов построения исторического романа [5, р. 13] и постоянно дополняет этот список. Не раз писатель задаётся вопросами: «Что такое исторический роман?», «Каков критерий успешности исторического романа?».

На страницах «Дневника Р-17» поднимается вопрос о жанровом определении будущей книги: роман, исторический роман, былина, сага, легенда, книга дней, хроника дней, повествование о днях, великая лития, повествование о временах, избранных судьбой, повествование о временах, отмеченных судьбой, завещание о временах, установленных судьбой (см., например, записи от 04.02.1970 [5, р. 97], 09.04.1970 [5, р. 103–105], 11.04.1970 [5, р. 105–107]). Рефреном звучит мысль «материал диктует», «материал сам поправил». Так на наших глазах постепенно рождается то самое определение – «повествование в отмеренных сроках».

Автор «Дневника Р-17» и сам учится писать исторический роман, пошагово проходит путь, который ведёт к роману, и словно создаёт практическое руководство будущим романистам, как писать и как не писать (см., например, записи от 30.08.1967 [5, р. 30], 05.12.1968 [5, р. 34–35], 14.01.1969 [5, р. 41–50] и др.).

Солженицын убеждён, что исторический романист начинает там, где заканчивается документ. Главная цель «Красного Колеса» – восстановить разорванную связь между эпохами (см. запись от 16.10.1969 [5, р. 85]), в центре книги – правда о России, главный герой – Россия.

Очень быстро приходит мысль о главенстве идеи над событиями. И 5 января 1969 г. Солженицын запишет, что роман – это история мысли, а не история выстрелов [5, р. 40], будет найден метод изложения, которым писатель поделится со своим «Дневником». Опытным путём Солженицын убеждается, что прежние методы не подходят, что для его идеи нужно что-то новое (см. запись от 30.06.1966 [5, р. 24]). Поразительно поэтическое солженицынское определение романного письма: «Это – стать себе на плечи, и ещё раз тому второму на плечи, и тогда напрячь ноги, подпрыгнуть, зацепиться пальцами за край стены, подтянуться и перелезть. Вот так – трудно. Вот так – почти невозможно» (запись от 22.08.1967 [6, с. 12]). И выбор жанра определяется в соответствии с материалом: «Да и роман-эпопея, я не называю его романом – а эпопея, цикл Узлов, он тоже, по сути дела, под-

чиняется этому закону, а именно: принять весь материал, какой только сохранился, – независимо, подходит он или не подходит. Всё это принять и каждому найти место» [7, с. 420].

С самого начала Солженицын был уверен только в своём природном чувстве композиции и в важности планов. Для передачи хода истории будет выбрана новая романная форма – узел, узловая точка истории как центр кристаллизации событий (см. запись от 12.08.1967 [5, р. 27]). Также речь идёт о таких приёмах, как фрагментарность, мезомерия, полифония, монтаж, лаконизм, синтез. Солженицын доверяет своей интуиции при выборе.

На страницах «Дневника Р-17» говорится обо всём: и о форме, композиции (архитектуре), заголовках, финалах, типах повествования, источниках, героях и их прототипах, темах, событиях. 1 мая 1969 г. писатель признаётся, что он не судья, а рассказчик, и именно это условие обеспечивает читателю удовольствие от чтения и погружение в материал [5, р. 68–69]; 18 апреля 1971 г. он утверждает, что писать нужно только о том, что хорошо знаешь, что пережито [5, р. 140]. В западных интервью Солженицын считает себя обязанным детально объяснять построение Узлов «Красного Колеса». Так, показательна в этой связи литературная беседа с Н. А. Струве [7, с. 417–448].

Важно увидеть границы контекста, в который Солженицын встраивается при разработке жанра и большой идеи. Сам писатель в дневниковых записях убеждает нас в том, что всю жизнь шёл к эпопее о русской революции. Фактически его предшествующие произведения были текстами-спутниками, опыт которых учтён в большой работе: и «Матрёна» (см. запись от 08.08.1967 [5, р. 26]), и «Иван Денисович» (см. записи от 10.06.1969 [5, р. 72–73], 27.09.1970 [5, р. 120], 18.02.1973 [5, р. 227], 19.02.1973 [5, р. 228]), и «В круге первом» (см. записи от 09.08.1969 [5, р. 78–79], 02.12.1972 [5, р. 217]), и «Раковый корпус» (см. запись от 27.09.1970 [5, р. 120]), и «Архипелаг ГУЛАГ» (см. запись от 28.06.1970 [5, р. 115–116], 15.07.1971 [5, р. 150], 13.11.1971 [5, р. 160–161]).

Текстами-предшественниками «Красного Колеса» Солженицын называет «Белую гвардию» М. Булгакова, «Тихий Дон» М. Шолохова и «Россию, кровью умытую» А. Весёлого (см. запись от 27.01.1969 [5, р. 53–54]). Над всем неизменно стоит гений Пушкина, который научил нас писать (см. запись от 01.10.1972 [5, р. 201–203]). В то же время, идя к своему главному роману, Солженицын обращается к опыту Л. Толстого и не раз спорит с ним (см., например, запись от 10.07.1971 [5, р. 149]). Ища тех, у кого можно поучиться, Александр Исаевич смотрит на всю мировую литературу, он готов использовать опыт предшественников, но избегая их манер (см. запись от 25.06.1966 [5, р. 23–24]). Звучат имена Н. Гоголя, Данте, Д. Дефо,

Ф. Достоевского, А. Дюма, Е. Замятина, Ф. Крюкова, Н. Лескова, М. Лермонтова, Т. Майн Рида, Г. Манна, В. Маяковского, В. Набокова, Д. Дос Пассоса, Б. Савинкова, Г. Флобера, У. Фолкнера, Э. Хемингуэя, А. Чехова, М. Цветаевой. Наравне с писателями в поиске своего метода Солженицын помогает музыка Баха, Бетховена и Моцарта, к божественной гармонии которой писатель стремится (см. запись от 09.06.1969 [5, р. 71–72]). Но и признаётся порой: «И вот что странно: давно себе не могу найти, придумать такого литературного чтения, которое бы создавало мне созвучие, оптимальную расположенность к моему писанию. Такого чтения давно не знаю, просто нет: ни в западной, что естественно, ни в русской – из которой же я, как будто, вышел. Каждое чтение есть просто отдельная задача, уводящая в сторону. То есть так выходит, что ни вдохновения, ни поддержки я не черпаю ни в чём, ни в ком: существует вся остальная литература или не существует, – не влияет на меня сегодняшнего, я себе тяну свою упряжку, и все. И нужны мне только: словарь Даля и музыка» (запись от 26.11.1971 [8, с. 14]).

Солженицын постоянно перечитывает написанные Узлы и заново их осмысливает с позиции накопленного опыта, о чём есть записи в «Дневнике». Время считает и своим помощником, соавтором, союзником (только не надо его торопить (см. запись от 30.01.1970 [5, р. 94–96]), и своей бедой, убийцей (см. запись от 16.06.1970 [5, р. 112–113])).

Писатель всё старается контролировать, но признаётся, что сам материал его поправляет и всё начинает складываться само по себе. А ещё – «Если даст Бог», «Одному Богу известно». Дневник становится единственным самым доверительным свидетелем внутренних исканий Солженицына. Можно составить список выражений, сопровождающих саморефлексию писателя: от уверенности в выбранном плане действий (нужно, следует, необходимо, придётся), восторга от получившихся фрагментов, мечтаний о новых Узлах (Это было бы...) через уныние (см. запись от 29.05.1969 [5, р. 71]), сомнения в неподъёмности задачи («угнётен от своего ничтожества перед этой темой, перед таким размахом» [6, с. 9]; см. запись от 08.11.1972 [5, р. 139]), страхи, что не получится, до безусловной необходимости писать, невозможности не выразить. Солженицын очень самокритичен, строг по отношению к себе (см., например, запись от 17.07.1972 [5, р. 190]), сохраняя неизменно верность теме. Он и радуется приступам вдохновения, «лавинным дням» («Когда катится лавина (а обрушивается – всегда внезапно, невозможно её назначить, подготовить или ожидать), – не ощущаешь себя творцом, а только – напряжённым инструментом» (см. запись от 13.10.1975) [9, с. 66]), и смеётся над собой (см. записи от 24.06.1966, 25.06.1966 [5, р. 23–24]),

и напряжённо фиксирует пустые («время пустых дел»), бесполезные на пути исследования русской революции. Один из девизов Солженицына заключён в народной мудрости «не спеши начинать, не спеши заканчивать» (см. запись от 09.04.1971 [5, р. 139]). Убеждая себя, призывает и других продолжать двигаться вперёд, терпеливо выполнять работу (см. запись от 28.10.1972 [5, р. 139]).

Важен сам тип автометаописания, представленный в «Дневнике Р-17»: в движении мысли. Это оригинальная форма, в которой мы видим одновременно ход работы над эпопеей, её осмысление в контексте истории и теории литературы. Примечательно, что Солженицын предстает перед читателем и с исследовательской стороны – смотрит на роман с теоретической и историософской позиций. Он ссылается на мысли М. Бахтина, Ю. Тынянова, К. Леонтьева, Д. Мережковского. В то же время на себе проверено Солженицыным и это: «Талант нужен даже не писательский, а педагогический: последовательно, ясно, доступно» (запись от 09.12.1971 [8, с. 14]).

На протяжении всего сопровождения романного письма Солженицын постоянно размышляет о читателе, осведомлённом и неосведомлённом. Писателю важно, чтобы читатель обратил внимание (см., например, записи от 07.05.1972 [5, р. 177–178], 31.10.1972 [5, р. 139]), чтобы читатель не устал (дайте ему время отдохнуть), иначе никто не захочет читать (см. запись от 17.03.1969 [5, р. 61]). На читателе будет опробована сила убеждения писателя (см. запись от 16.03.1969 [5, р. 60–61]).

Писатель убеждается, что к роману вела сама жизнь (см., например, запись от 06.01.1969 [5, р. 40]). «Описание революции, вживе и в подробностях, – это и есть то, к чему я создан. Я – историк революции, это – мой главный жанр, отчего я и выбрал тему ещё школьником» (см. запись от 08.05.1976 [6, с. 24]). В ходе письма неосознанно Солженицын показывает, как личная жизнь вторгается в романный процесс: то затянувшийся развод с Решетовской психологически парализует его, то рождение сыновей пробуждает мысль о продолжателях его дела, если сам не успеет, то внезапная болезнь остановит всю работу почти на три месяца, то работа над Нобелевской лекцией отложит разработку Узлов и т.д. Это и «творческая лаборатория», и дополнения к биографии Солженицына.

Кроме «Дневника Р-17» прямые суждения Солженицына о замысле эпопеи, работе над материалом, о значении читателя выделяются в его «вторичных» формах – публицистике и мемуаристике, по преимуществу относящихся к тому же периоду работы над «Красным Колесом». На вопрос Никиты Струве о начале работы над «Красным Колесом» Солженицын отвечал: «Весь сосредоточенный интерес жизни в лагере

был у меня – расспрашивать людей, что-нибудь знающих о революции. И так я всё собирал, не имея никакой возможности записывать. Я и не предполагал, какие огромные возможности заложены в нашей памяти» [7, с. 418]. Таким образом, временные границы работы Солженицына над историей русской революции, действительно, не только в пределах непосредственного письма, но важен и подготовительный этап, стартовавший в год восемнадцатилетия Солженицына, и этап после завершения основной работы. «Дневник Р-17» заканчивается 1991 годом. 28 ноября 1991 г., закрывая «Дневник», писатель, оглядываясь на 75-летний путь России после 1917 г., сравнивая красное колесо с колесом смутных 1990-х [5, р. 663], по-прежнему размышляет об уничтожении памяти прошлого, мешающем понять, куда двигаться дальше.

Представляя себе «творческую лабораторию» Солженицына [10] как важное средство постижения его художественного творчества и целостности его личности, мы нашли подтверждение этому и на многочисленных примерах автометаописания в мемуарной книге «Бодался телёнок с дубом». В ней детально представлена литературная жизнь 1960-х гг., скрупулёзно застенографированная Солженицыным. Не меньше нас интересуют этапы продвижения текстов Солженицына в советской печати: как оценивали, какие замечания и советы давали члены редколлегии «Нового мира», как на это реагировал Солженицын сразу и потом, и чем все этапы обсуждения его текстов закончились. Исследователь И. Ю. Кудинова, представляя повесть «Раковый корпус» как этап формирования художественного метода писателя, детально изучила творческую историю повести, связанную с полемикой с «Новым миром» и Союзом писателей [11, с. 50, 69].

Но не только «Раковый корпус» может считаться этапным на пути мастерства Солженицына. Подготовкой к главному труду жизни – «Красному Колесу» – выступают, на наш взгляд, все тексты, ставшие своего рода спутниками «повествования в отмеренных сроках». Об этом прямо – на страницах «Дневника Р-17».

Ещё одним сигналом, убеждающим, что всё творчество Солженицына направлено к «Красному Колесу» и вокруг него строится, являются герои-мыслители. И главный среди них – Глеб Нержин («В круге первом»), который больше всего любил «размышления» и «мельчайшим почерком, будто не пером, а остриём иглы, выписывал на крохотном листике» [12, с. 38], безмятежно насыщал дорогое для себя «вообще историческое, из петровских времён...» [12, с. 77]. К этому герою Солженицын шёл долго. Начал в 1948 г. с задуманной еще в студенчестве исторической эпопеи «Люби революцию», так и оставшейся «неоконченной повестью» [13].

Отдельные мотивы, образы и детали повести «Люби революцию» будут развиваться в последующих текстах Солженицына, в том числе воплотятся в истории русской революции.

Будущую эпопею Солженицын первоначально (1937–1939 гг.) обозначал «ЛЮР», но в процессе написания «совсем отбросил». Главный герой – Глеб Нержин – безусловно, автобиографичен. Солженицын, как нам кажется, в каждом внутренне близком себе герое каждый раз создаёт «новый вариант Ивана Денисовича», как он назвал этот путь в «Дневнике Р-17» (см. запись от 18.02.1973 [14, с. 203]). Галерея автопсихологических персонажей Солженицына включает, на наш взгляд, Ивана Денисовича, Василия Зотова, Глеба Нержина, Олега Костоглотова, Саню Лаженицына. Они слушают, размышляют, пытаются понять окружающий мир и себя. Этих героев можно назвать автопсихологическими двойниками автора, в которых замечается толстовская «диалектика души».

Таким образом, метапоэтика Солженицына включает, в первую очередь, автометаописание – прямые высказывания писателя о своём творчестве, о работе над отдельными текстами, описание «творческой лаборатории»; во-вторых, автопсихологизм, выраженный через героев-мыслителей и через понимание самим автором своих художественных текстов как подготовку к главному труду жизни – «Красному Колесу».

Наравне с названными метапоэтическими принципами сосуществуют и ещё такие, как «мировое зрение» художника – мысли о функциях и ответственности писателя («маленького подмастерья под небом Бога»), литературы и искусства в целом; суждения о творчестве других писателей, о художественных методах и течениях, об историко-литературном контексте и литературной традиции, как диалог с литературой; ««мировоззренческая» география писателя» как поэтика изображения «других» через себя.

Все уровни метапоэтики позволяют познать этические и эстетические принципы автора, его коды – философские, религиозные, историософские, культурологические, лингвопсихологические. Мировоззрение Солженицына и есть тот мир, константами которого являются стратегия правды, сближение этики и эстетики, память, самоограничение, «зрячая любовь» к России, постижение Промысла Божия о человеке и народе.

Список литературы

1. Алтынбаева Г. М. Диалог с классиком как метапоэтический принцип А. И. Солженицына («Окунаюсь в Чехова») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 90–93. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-90-93>
2. Три века русской метапоэтики : Легитимация дискурса : антология : в 4 т. / под общ. ред. К. Э. Штайн. Ставрополь : Ставропол. кн. изд-во, 2002–2006.
3. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Русская метапоэтика. Учебный словарь. Ставрополь : Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2006. 604 с.
4. Тузушева Э. Ф. Метапоэтика А. Г. Битова : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 224 с.
5. Soljénitsyne A. Journal de La Roue rouge / traduit de russe par F. Lesourd. Paris : Fayard, 2018. 704 p.
6. Солженицын А. И. Три отрывка из «Дневника Р-17» // Между двумя юбилеями (1998–2003) : Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына : альманах / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М. : Русский путь, 2005. С. 9–28.
7. Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. Т. 2. Общие заявления, письма, интервью. Ярославль : Верхне-Волж. кн. изд-во, 1996. 624 с.
8. Солженицын А. «Стучит метроном неумолимо» : Страницы «Дневника Р-17» А. И. Солженицына публикуются впервые // Новая газета. 2018. 10 дек.
9. Солженицын А. Фрагмент из «Дневника Р-17». 1975 год / публ. и вступ. заметка Н. Солженицыной // Звезда. 2018. № 12. С. 65–67.
10. Алтынбаева Г. М. В «творческой лаборатории» А. И. Солженицына // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература : художественный опыт XX – начала XXI веков : сб. науч. тр. Вып. 2 / сост., отв. ред. А. И. Ванюков. Саратов : ИЦ «Наука», 2008. С. 277–282.
11. Кудинова И. Ю. Повесть А. И. Солженицына «Раковый корпус» как этап формирования художественного метода писателя : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2018. 173 с.
12. Солженицын А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 2. В круге первом. М. : Время, 2011. 880 с.
13. Солженицын А. И. Люби революцию // Солженицын А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 18. Раннее. М. : Время, 2016. С. 253–390.
14. Солженицын А. Дневник Р-17. 1973 год. Фрагмент / публ. Н. Солженицыной // Дружба народов. 2018. № 12. С. 201–205.

Поступила в редакцию 20.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 01.12.2021
The article was submitted 20.11.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 01.12.2021